

"Рисуя" жизнь по крупицам

БЕЛОУСОВА Галина

МЫ СИДИМ в мастерской художника Владислава Коваля. Максим Матвеевич согласился накануне своего юбилея попозировать (Владислав к 80-летнему юбилею пишет его портрет) и заодно повспоминать о былом. Просто так, без всякой заданной темы - интервью такого рода мы делали уже не раз, и, надеюсь, самые интересные разговоры еще впереди, потому что профессор Загорулько, человек поистине энциклопедических знаний, относится к тем редким людям, говорить с которыми можно часами. Кажется, что ответ у него есть на любой вопрос, а оценки любого события или явления поражают точностью и глубиной. Расположившись между художником и академиком, невольно бросаю взгляды на полотно, где потихоньку проявляется образ как иллюстрация того, о чем говорит наш собеседник, медленно, по крупицам рисуя свою жизнь с самых первых лет. Именно эти, как в шутку, должно быть, сказал Максим Матвеевич, "байки", я и решила предложить вниманию читателей накануне юбилея профессора.

О ТОМ, КАК ПО НАВЕТУ ОТЦА В АНТИСОВЕТЧИКИ ЗАПИСАЛИ

Отца Максима Загорулько арестовали в 1929 году. Был он крестьянином, и было у него в хозяйстве шесть с половиной гектаров земли, две лошади, корова и телка. Наверное, для тех времен это было много, но арестовали его не как кулака вовсе. Раскрыли тогда на Кубани антисоветский казачий заговор, и, когда начались допросы, с тем чтобы всех заговорщиков выявить, сосед указал на него.

...Будучи уже ректором пединститута, Максим Матвеевич спросил как-то начальника областного управления КГБ генерала Волкова: можно ли установить истинные причины ареста отца? Не то чтобы сомневался в его словах о том, что арест был недоразумением, но хотелось знать все доподлинно. Месяца через три генерал попросил зайти и выложил перед Загорулько три тома следственного дела. Прочитал Максим Матвеевич протоколы допроса и понял, что все абсолютно в словах отца было правдой. А причина навета тоже выяснилась спустя много лет. В молодости ухаживали парни за одной девушкой, а предпочла она отца, Матвея Загорулько. Отомстил, выходит, соперник.

Несмотря на то, что отец вины своей не признал, осудили его по известной 58-й статье и после двух лет тюрьмы отправили на поселение в село Дивное Апанасенковского района Ставропольского края. Туда же тайно брат Матвея переправил и жену его с Максимом и двумя младшими сестренками. Дали семье землянку саманную

- все ссыльные в таких жили, а там и время подошло старшему сыну в школу идти. Было это уже в 1932 году.

О МАМИНЫХ МОЛИТВАХ И ОТНОШЕНИЯХ С БОГОМ

Со школой, вспоминает Максим Матвеевич, связано первое его осознание себя как личности. Стояла она прямо напротив их хижины - особняк из красного

кирпича дореволюционной постройки, казавшийся ребятишкам почти дворцом сказочным. Четыре классные комнаты, квартира для учителя, полы настоящие, а не земляные. Впрочем, речь не об этом, потому что в восемь лет на подобные мелочи мальчишки редко обращают внимание.

Как-то осенью учительница Анна Ивановна Коржавина задержала первоклассников после уроков и предложила записаться... в кружок юных безбожников. Видно, разнарядка такая пришла от начальства. Кто, спрашивает, хочет быть первым? Конечно, самые активные и непоседливые руки тотчас подняли: Максим Загорулько да сосед его по парте Ваня Шкурин. Следом и другие малыши потянулись. И все бы ничего, если бы уборщицей в школе не работала соседка, которая случайно всю эту атеистическую беседу услышала.

- Иду, - вспоминает теперь Максим Матвеевич, - домой, а душа поет-радуется: дело-то какое хорошее совершил! Никогда такой радости еще не испытывал. Смотрю, а возле забора мама стоит с соседкой. "Ну что, - спрашивает, - сынок, как дела?" Стал я рассказывать и осекся вдруг, увидев ее лицо. А она положила руку мне на плечо как-то твердо очень, завела в хату: "Пойди и завтра же выпишись", - говорит.

Из кружка он, конечно, проявив в первый раз настойчивость, не выписался, получив за это дома хорошую взбучку, но на этом отношения с Богом и с мамой как посредницей в их своеобразном "диалоге" не кончились. Был в жизни еще один случай, связанный с войной и послевоенной уже недолгой его работой секретарем Апанасенковского райкома комсомола.

Надо сказать, что до войны мама хоть и была верующей, к вере своей относилась спокойно: соблюдала, как положено, праздники и посты, молилась, но фанатизма во всем этом не было и следа. Но так получилось, что во время войны получила она на сына своего "похоронку". По недоразумению, в общем-то, все вышло, когда он уже в Венгрии воевал. Выпрыгивая из загоревшегося танка, зацепился второпях за что-то карманом и не заметил, как бумажник с документами из него выскочил. А похоронная команда, которая следом шла уже после боя, документы подобрала и "похоронку" на их владельца, как положено, семье отправила.

Трудно сказать, что тогда пережила и о чем молила мама Всевышнего, только, когда выяснилось, что сын жив и здоров, свято уверовала в то, что это Бог внял ее молитвам и сохранил его. Впрочем, кто знает, может, все именно так и было...

После демобилизации назначили Максима Загорулько секретарем райкома по пропаганде, и первый секретарь, порадовавшись, что грамотный человек появился (десятилетку закончил!), поручил ему заняться индивидуальной работой среди народа по атеизму.

- Запас знаний по этому вопросу, - смеется теперь Максим Матвеевич, - был у меня тогда очень "глубокий" и ограничивался одной фразой: религия - опиум для народа,

А начать антирелигиозную индивидуальную пропаганду, чтобы далеко не ходить, решил он с собственной матери. За ужином вечером стал произносить пространную речь.

- Слушала меня мама, слушала, а потом одну лишь фразу произнесла, после которой понял я, что не тем делом занимаюсь совсем:

"Не для того я тебя, сынок, вымолила у Бога, чтобы потерять теперь. Не лезу я в твою марксизму-ленинизму, не лезь и ты ко мне в душу". И так она это сказала, что запомнил я на всю жизнь и больше об этом никогда с ней не говорил.

А потом был уже Максим Матвеевич ректором пединститута в Волгограде, и присвоили ему звание почетного профессора в Острове. Привез он домой, как

положено, мантию, шапочку профессорскую, переоделся в соседней комнате и вышел во всей красе себя показать. Мама тогда гостила у них. Посмотрела она задумчиво, головой покачала:

- О це ж, если б пошел по делам церковным, большим человеком стал бы...

О ТОМ, КАК СТРАШНО БЫВАЕТ ВЗРОСЛЕТЬ НА ВОЙНЕ

В 1941 году, когда началась война, Максим Загорулько закончил девятый класс. Весь следующий год работали, между делом постигая науки, на оборонительных сооружениях. За хорошую работу его даже в комсомол тогда приняли - до этого сыну ссыльнопоселенца дорога в передовой отряд советской молодежи была заказана. А уже к июню будущего года, когда враг был на подходе к Ставрополю, весь класс дружно призвали в армию. Директор школы был умница. Поставил прямо в военкомате стол, посадил учителей и всем своим ученикам здесь же аттестаты о среднем образовании выдал.

...С новенькими аттестатами новобранцев зачислили в стрелковый полк и отправили в Саратовскую область. Сразу началась изнурительная муштра. Ненавидели ее мальчишки от всей души, и лишь после войны осознал Максим Матвеевич, что иначе было просто нельзя. Именно вдолбленное тогда умение бежать, ложиться и стрелять по команде многим спасло на войне жизнь. Там же, на учениях, случилось то, что заставило его и приятелей резко повзрослеть и понять, что мирная жизнь осталась в прошлом, а у войны свои суровые и страшные законы.

А произошло вот что. Пареньку, который жил с ним бок о бок, дали в руки топор и отправили подправить колышки для палаток, в которых они обитали. Никто не скажет теперь, устал ли мальчишка от муштры и решил в госпитале отдохнуть или на самом деле топор в руках никогда не держал прежде, только соскользнуло лезвие с колышка, и пальца как не бывало. Приговор был скорым и жестким. Вечером выстроили всех на поляне, вывели бедолагу, зачитали что-то по бумажке и на виду у всех расстреляли.

- Я до сих пор думаю иногда, правильно ли поступили наши командиры, и был ли смысл в известном приказе N 227 "Ни шагу назад", породившем заградительные отряды? И знаете, по всему выходит, что была в нем своя, хоть и жестокая, правда. Как и в показательном расстреле того парня. Во-первых, именно с той минуты я стал взрослым. Кто знает, если бы еще день назад нашелся человек с сильным характером, который предложил мне покинуть полк, возможно, я и ушел с ним, настолько тяжело было. То, что случилось, заставило забыть об этом, и, думаю, не только меня. Получается, что приказ, смерть этого человека, которого я ни в коем случае не берусь судить, многим из нас спасла жизнь.

После учебы отправили солдат под Сталинград. В первом же бою засыпало в окопе землей, контузило, и оказался Максим Матвеевич в госпитале, а после него снова на пересыльном пункте в Саратове. На этот раз его как человека грамотного (десятилетка не у каждого за плечами была) определили в авиацию. В летчики, правда, не взяли, забраковали. Причину уже позже узнал: был негласный приказ не допускать к самолетам тех, у кого семья оставалась на оккупированной территории, а Ставрополье, где жили тогда родители, оказалось уже под немцами. Кончилось тем, что направили его в снайперскую школу в город Пугачев, а потом, после того, как контузия обострилась и он в очередной раз в госпитале побывал, окончательно определили в 34-й учебно-танковый полк. Именно на танке прошел он потом всю Европу до Польши и

Югославии, доехал до Монголии и Китая. В армии же, окончательно простив все "грехи" отца, приняли Зогорулько в партию.

О ТОМ, КАК ЭКЗАМЕНЫ В ИНСТИТУТ СДАВАЛ

Мирная жизнь началась после демобилизации в марте 1947 года на Ставрополье с комсомольской работы. Надолго, правда, комсомольского задора Максиму Матвеевичу не хватило. Уже в октябре задумался он всерьез о том, как бы в институт поступить. А так как вузы к тому времени прием закончили, решил по объявлению поехать в Новосибирск, где в то время еще стояла его воинская часть, и где объявили набор демобилизованных на шестимесячные юридические курсы. Опять же командир полка его там жил, которого он на войне спас от смерти, и жена которого по этой причине принимала его в семье как родного.

Выписал себе по орденской книжке бесплатный билет до Новосибирска (было в те годы такое право у демобилизованных воинов), а по дороге решил заехать в Ставрополь, где сестренка в пединституте на первом курсе училась:

- Зашел в институт, иду, а навстречу товарищ по фронту. Слушай, говорит, зачем тебе куда-то в Новосибирск ехать, если у нас в институте недобор? Что такое недобор? - недоумеваю я. А он-то уже опытный, студент, идем, говорит, сейчас все узнаешь.

Пришли в приемную комиссию, а там без лишних слов спрашивают: документы с собой? Да вот же он, аттестат, который перед уходом на фронт выдали.

Начали с сочинения. Покопался где-то приятель, тетрадку подает: перепиши это. Переписал, профессору на проверку понес. Колоритной очень личностью был бывший моряк профессор Попов, вспоминает Максим Матвеевич, много лет потом с ним дружили.

- Читает мое, с позволения сказать, сочинение, а сам интересуется: танкистом был? Это хорошо, посмотрим сейчас, что знаешь. Две ошибки в тексте нашел, литературой интересуется: хоть что-нибудь помнишь? Все, что в школе изучали, знаю, нахально отвечаю я. Прочитал ему отрывок из поэмы Симонова "Первая любовь", повеселился он, поставил "хорошо" и отправил с напутствием: на литературу не ходи лучше. И пошел я дальше историю сдавать. Посмотрел преподаватель: Загорулько, говоришь, фамилия? Ну, рассказывай, хохол, что про воссоединение России и Украины знаешь. А я помню только про Богдана Хмельницкого. Ну это, веселится экзаменатор (везло мне все же на хороших людей), уже кое-что. Тройку поставил. Потом и географию на ту же отметку сдал, после того как Гималаи на карте так и не смог найти.

А выбор свой остановил все же на историческом (Богдан Хмельницкий, должно быть, поспособствовал), и начались дни студенческой жизни. Сессию за первый курс сдал уже на "отлично", а за три года и вовсе экстерном закончил институт, получив приглашение остаться в аспирантуре. В 1953 году был уже кандидатом наук и старшим преподавателем кафедры политэкономии.

О ПОЛЬЗЕ ПАРТИЙНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И НЕОБХОДИМОСТИ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В 1955 году Максима Матвеевича по путевке Министерства просвещения направили в Смоленский пединститут. Правда, поработать там пришлось всего шесть лет. Обострилась старая болезнь от фронтовой контузии, и доктора

посоветовали сменить климат на резко континентальный. Так в 1962 году он оказался в Волгограде и был избран заведующим кафедрой политэкономии политехнического института.

В 1971 году Максим Матвеевич Загорулько был назначен ректором Волгоградского педагогического института, в 1975 году защитил докторскую диссертацию, а в 1980-м получил новое назначение - ректором Волгоградского государственного университета. Вуза, которого на самом деле в Волгограде на тот момент не существовало, и который ему пришлось создавать буквально с нуля.

- Во-первых, - не скрывает он, - таково было решение партийных органов, а для меня, и я не стесняюсь об этом говорить, факт этот был определяющим в жизни. Если вступил в партию, должен подчиняться. Вторая причина в том, что я уже и сам собирался уходить с должности ректора пединститута. Дело хлопотное, интересное, но для меня оно пошло уже не по спирали, а по замкнутому кругу. Сподвигло еще и то, что, как мне представлялось, я смогу активнее заниматься наукой. Правда, на самом деле заниматься пришлось больше строительством, но я и сегодня убежден: городу очень нужен был именно классический университет. Я когда-то сказал: пройдет время, и основные должности в городе займут выпускники нашего университета. Тогда с моей стороны это было если не нахальство, то, по крайней мере, самоуверенность, но сегодня сказанное начало потихоньку осуществляться.

О СЕМЕЙНОМ КОДЕКСЕ И МУЖЬЯХ - "ПОДКАБЛУЧНИКАХ"

- В семье моей установлен своеобразный кодекс. Я ни разу за всю свою жизнь, а живем мы с женой уже 56 лет, не соврал ей. Может, обо всех совершенных проступках и делах не успел сказать, но это уже другое. Рассуждал просто. Сегодня совру, а через месяц забуду, где правда, а где ложь. И если так все время делать, то сколько же вранья за всю жизнь накопится? А потом все равно рано или поздно, а на вранье обязательно попадешься. А раз попался, как жить дальше? Веры тебе уже никогда не будет.

А вообще в семье я "подкаблучник". В чем это проявляется? Все очень просто. Есть принципиальные вопросы, в которых мы с женой единомышленники. А есть принципиальные вопросы, по которым этого единомыслия нет. Главное - не путать одно с другим и не спорить по мелочам. Какая мне возница, какого цвета обои или рубашка? Но если я говорю нет, то тут хоть головой об стенку бейся или давай очень резкие контраргументы. Правда, таких случаев было мало...

О ЛЮБОПЫТСТВЕ, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ И ПОЛЬЗЕ ХОЛОДНОГО ДУША

- Я человек от природы очень любознательный, но не любопытный. Чем отличаются эти качества друг от друга? Любопытство - это гнилое, нехорошее, а любознательность - это новые знания и наука. Конечно, не всегда от нас зависит, с кем общаться и даже работать, но в диалоге всегда участвуют двое: один спрашивает, другой отвечает. Я стараюсь не давать человеку повода для любопытства и умею уходить от ненужных и неприятных вопросов. Есть много способов сделать это, хотя с уважаемым человеком могу говорить на любые темы.

Мой принцип, и я уже не раз об этом говорил: ни одного дня без самым созданной радости. А самым созданная радость определяется и тем, с кем ты

хочешь встретиться, и тем, о чем ты будешь говорить и что делать, и многими другими позициями. А еще я не позволяю себе долго злиться на человека, хотя честно признаюсь: позволял и до сих пор позволяю себе публично не подать руки тому, кто проявил, на мой взгляд, непорядочность.

Мало кто знает, но первое, что я сделал в ректорском кабинете университета, был душ в туалетной комнате. Пообщаешься иной раз с кем-то, накопишь отрицательные эмоции - и сразу под холодный душ. Чтобы смыть с себя все дурное настроение и не переносить его на других людей. Исключительно действенное средство, должен сказать вам. Я об этом никому до сих пор не говорил, но жена знает: пришел с работы не в настроении - нужен холодный душ. И лучше в это время не спрашивать меня ни о чем. Пройдет час или больше, сам расскажу. А бывает, и на второй-третий день. Потому что с пылу с жару лучше помолчать, самому обо всем подумать, чтобы не травмировать близкого человека до тех пор, пока сам не оценишь ситуацию адекватно.

...Мы спускаемся с крыши девятиэтажного дома над "Современником", где обитает художник, продолжая разговор о судьбе города и его жителей, о том, что успел увидеть и пережить Максим Матвеевич за свою жизнь. Разговор поистине бесконечный, и то, что написано выше, конечно же лишь малая часть того, что можно рассказать об этом замечательном человеке, с которого, без преувеличения, может смело "делать жизнь" сегодняшняя наша оказавшаяся на перепутье времени молодежь. И хотя сам Максим Матвеевич чаще предпочитает говорить о других, не случайно в нашей газете именно по его инициативе будет выходить теперь страничка "Мы и время", посвященная 60-летию Великой Победы, думаю, и разговор о нем у нас далеко не последний. Энергии его можно позавидовать, а значит, впереди еще много лет плодотворного труда на благо города, почетным гражданином которого он является.

Волгоградская правда, 21.08.2004